

Николай ЗАЙЦЕВ

г.Талгар, Казахстан

Здесь
родился Я

Славному городу Талгару

Когда в этом городе родился Я... Ах, не слишком ли самоуверенно? Ну не называть же себя по фамилии, сразу спросят, что он один здесь родился, что ли? Мы тоже здесь родились, и ничего, молчим. Потому так и оставлю — родился Я. Почему с большой буквы? Но ведь это вместо фамилии будет, а фамилия всегда пишется с большой буквы. Так меня в школе учили, в этом самом городе. Продолжим. Когда в этом городе родился Я... Повторяюсь? Ну а вдруг уже забыли, кто родился и где? С этим самым рождением все и начинается. Жизнь начинается, личная, а потом, позже, общественная. Когда в этом городе родился Я... Тьфу ты. Это важное событие, и потому никак нельзя пропустить это выражение. Помните, в общем, что там было в начале, что в самом начале родился Я. Самого города тогда еще никакого не было. Нет, он был, и даже с тем же названием, но такого названия, как Город, у него не было. Сов-

сем запутался. Была деревня, село, а еще правильнее — станица. Вот, добрались до станицы. Станица находилась в живописном месте, среди высоких гор, и меня сразу обрадовало и еще больше вдохновило мое желание родиться то, что станица буквально тонула в цветущих яблоневых, грушевых, вишневых садах. Правда, при моем появлении на свет Божий цветение садов было не очень заметно, так как дело это, то есть мое рождение, произошло зимой. Но интуитивно, как сейчас любят выражаться врачи и шпионы, я уже догадывался, что попал в благодатный край. Разве можно было мне поверить, что я вдруг могу родиться в пустыне, семнадцатым ребенком какого-нибудь бедуина? Хотя сейчас понимаешь: что-то, казавшееся тогда недостойным меня, может быть, не так уж и плохо выглядит. Имею в виду финансовую ограниченность наших устремлений и неограниченную свободу, этими рамками, их устремлений — бедуинс-

ких. Да и не мог я родиться в аравийской пустыне с такой фамилией, как моя. И вот еще насчет моего эгоистичного Я. Можно было бы, конечно, взять себе псевдоним. Но когда человек берет себе псевдоним, то он уже вроде и вовсе не тот человек, а какой-то урод перерожденный. Вот, к примеру, возьмите — Ленин. Вроде рождением Ульянов, а почему потом Ленин? Так никто и не догадался, и никто этого не объяснил. Еще хуже с Иосифом Виссарионовичем вышло. У первого, у Ленина, хоть фамилия была известна, ну, тем, кто пограмотней был. А фамилию второго ни один нормальный человек в стране выговорить не мог, особенно в подпитии. Так и остался псевдонимом в истории. То ли был, то ли не был. Как докажете, что был, ведь человек с такой фамилией на Земле не рождался? И метрики, и паспорта нет на такую фамилию. А я хочу быть хоть и не в истории, но в своем городе обязательно.

Теперь давайте-ка про станицу. Если что привру, будьте благосклонны, потому если писатель не врет, то ему никто никогда не поверит. Сочинительство — это и есть не что иное, как живописное вранье. Слышу в свой адрес массу возмущений от честных писателей, которых никто никогда и ни при какой погоде не читал и не читает. Скучно. То, про что они пишут, добропорядочные граждане делают каждый божий день. Читать про себя? И так все ясно. А вот наврешь с три короба, и тогда и дома, и в библиотеке, и в автобусе все тебя читают и почитают, между прочим. Вот вспомните нашего вождя, блаженной памяти, Леонида Ильича, стало ему скучно жить — все эти съезды, выступления, заседания... Все одно и то же. Пить и курить врачи строго-настрога запретили, никакой расслабухи тебе. Все под контролем. Это у нас, смертных, зарулил куда-нибудь подальше — кури, пей хоть до безумия, никому дела до тебя нет. Ну разве женошка пару дней поищет. А где искать — в морге нет, в милиции нет, из роддома давно выписали. Хорошо. А у них там день и ночь тебя охраняют, от всех, всего и от себя тоже. Так вот, когда ему стало скучно жить, он решил про себя книгу написать и написал, да не одну, а много. Ну, не он, конечно, писал, что, ему больше делать нечего? Страной кто будет руководить, если вождь будет книжонки пописывать?

Ладно, он не он писал, но написали. И хотя их тоже почти никто не читал, кроме определенных кругов. Ну, тех кругов, которые вокруг него кормятся. Читали и очень хвалили. А ведь сплошное вранье. И сам он, Леонид Ильич, про себя читал, и ему тот человек, про которого написали, очень понравился. Он даже в рукописи некоторые поправки делал, ну, где недоврали. Так что и мне поверьте, если где перевру. И потом я про себя пишу и делаю это сам. Так что имею полное право писать так, как желаю.

Станица действительно была привлекательной. Самое привлекательное — это, конечно, горы. Ну хотя бы потому, что их сразу было видно. Со всех сторон. Пятитысячники все-таки, нельзя не заметить. Чего там только не было тогда в этих горах! И звери, и птицы, ягода и грибы, и даже снежный барс был. Живой. Сейчас он только на символе страны остался. Как символ того, чего нет. У нас всегда так, чего нет, то славят, а что есть, того не замечают. Так вот всего в тех горах валом было, бери не хочу, и брали, и всем хватало, и оставалось. Брали-то понемногу — полакомиться. Хапать уже потом научились, когда заповедник в этих горах сделали. Государственный заповедник. Тогда и барс пропал, и много еще чего. Охранников много, у охранников друзей, знакомых много, всем пострелять хочется. Начальство наезжать стало — колоннами. Заповедник-то государственный, а значит, ихний. Да хватило бы всем, да вот беда, помногу брать стали. За день столько увезут — деревня наша за неделю не съест. Подснежники, цветы такие весенние есть, и те почти извели. Ведрами тащили, будто кушать их собирались. Мы-то, как раньше, пацанами, нарвешь букетик маме на Восьмое марта, девочке любимой цветочек, а остальными любишься только. А было чем любоваться. Только снег со склонов сойдет, и тут они, эти милые цветы, кружком голубеньким, желтеньким, после зимы, снега душа радуется, любить всех хочется. Но об этом потом.

А еще у нас есть река, с таким же названием, как и станица. Эту все жители станицы очень любили и берегли. Не дай бог кто в эту речку кошку дохлую бросит или еще что нечистое, так, не ровен час, самого там утопят. А сейчас в бедной нашей речке только трупов человеческих не замечено. Пока. А так все есть, все отбро-

сы родной деревни по ее берегам выложены. А раньше по ней, по нашей речке, форель на нерест в верховья ходила. Ух, нам, пацанам, праздник. Берешь майку, которую с себя снимаешь, завязываешь ее лямки, и снасть готова. Наловим форели, костерчик разведем, ухи наварим, пир горой. Но пришла мелиорация всей страны, нарыли каналов, и обмелела речка, затихла. И никто теперь не верит, что в нашей речке «вот такая» рыба ловилась. И еще на реке был и есть мост, который соединяет ту и эту стороны реки. Но в то время когда я был в замечательном отроческом возрасте и когда во мне было больше природы, чем ума, жители станицы никак не могли понять, какая сторона реки должна была быть «той», а какая «этой». И потому жители, населяющие противоположные стороны реки, говорили, указывая на противоположный берег, что на той стороне, например, находится базар. Тогда не знали, где будет левый берег, а где правый, потому и та и другая стороны по берегам реки назывались жителями той стороной. Так вот мост соединял эти две «те» стороны реки. Мост был построен еще при царе известным в наших краях купцом Пугасовым для своих купеческих целей, но служил большим благом и для жителей станицы. Мост вначале был деревянным, но часто реконструировался, потому что частенько его смывала разбушевавшаяся река и надвигающаяся цивилизация никак не могла оставить такое убогое сооружение на нашей великой реке. Но новый мост, на моей памяти, еще долго назывался «пугасовским», как и еще одно строение, которое тоже было построено этим беспокойным купцом и принесло ему славу в нашем городке, сравнимую разве только с постройкой Китайской стены. Но китайское китайцам, да и строили ту стену очень долго и потому непонятно, кому принадлежит слава в ее возведении — тому, кто заложил первый камень, или тому, кто завершил строительство. Между тем и другим — века. Знаю, скажете, строил народ, ему и принадлежит слава. Думаю, что слава народа понятие довольно неясное, размытое, да и за многие века меняется сам народ и его понятие о результатах своих трудов. У нас в стране Беломорканал тоже народ построил, но отношение к тому совершенно разное у тех, кто строил и кто командовал строитель-

ством. А у нас есть конкретный человек, господин Пугасов, а к тому, что он создал, ни в каких веках отношение не изменится, и к построенному всегда все люди из прошлого и настоящего будут относиться с глубоким уважением. Как относятся к этому в нашем городе. Особенно мужское население города и с недавних пор примкнувшая к нему часть женского сообщества. Подумайте сами, сооружение, построенное до революции, пережившее саму революцию и теперь шагнувшее в новое тысячелетие, все так же актуально и пребывает в зените славы. Уже нет Пугасова, потомки его благополучно обжигают Америку и уже едва ли помнят наш городок, а произведение его могучего интеллекта стоит на том же самом месте и носит то же самое название. Скажете, не может быть? Может. Потому как называется это знаменитое в нашем городе строение — спиртовой завод. Что, неправ? Прав, да еще как. Теперь пойдем дальше, дальше по реке, и не вниз, а вверх. Забыл сказать, что в нашем городе указания направлений были строго определены. У нас никто не говорил запад-восток, север-юг, а всегда говорили — вверх или вниз. Верх был, как полагается, ближе к горам, все остальное шло и катилось вниз. И мы пойдем вверх, откуда проистекает наша замечательная река. А вытекает она из горного ущелья, опять же одноименного со станицей и рекой. Прямо у входа в ущелье нас встречает гора с давним, доисторическим названием — седловина. Бок огромного животного, поросший до самого верха мелким кустарником, как шерстью, заканчивается двумя равновеликими горбами. И хотя горбы очень похожи на верблюжьи, но размеры их чудовищны, и потому в этом каменном чудовище видится всем двугорбый динозавр, может быть, далекий предок нынешнего корабля пустыни. Хвост чудовища пологим спуском уходит на запад и теряется в садах. Голова динозавра спрятана в самом ущелье. Легенда такова: чудовище издавна охраняло вход в ущелье, в кладовую драгоценной красоты, пропускало сюда поэтов, художников, просто добрых людей и пожирало разбойников, негодных людишек, шедших в ущелье не любоваться красотой природы, а красть богатства, накопленные в божественной кладовой, убивать непуганых, доверчивых животных. Шло

время, доброе животное старело, но рык его долгое время предупреждал лихих людей о неотвратимом возмездии за содеянное ими зло. Время превратило динозавра в камень, огромное тело покрыла пыль времен, и на этой благодатной, многовековой почве пышно разросся кустарник, различные травы и цветы растут от подножия до самой вершины, откуда наш городок виден как на ладони.

Вы не поверите, но когда наступает ранняя весна, на одной из вершин наших гор явственно проступает лик вождя мирового пролетариата. Многие ученые и не очень мужи нашего города ломали свои буйные головы над объяснением этого природного феномена. Особенно хорошо проступает на горе этот знакомый всем с детства лик в последних числах апреля, как бы напоминающая о дне рождения вождя. Голова вождя покоится на вершине гор в положении человека, прилегшего отдохнуть. Туловище вождя не вошло в показ природной программы, но если представить и его, то ноги вождя будут обращены на восток, а голова, соответственно, на запад. Как и положено лежать христианскому телу, отправившемуся в лучший мир. Такое величественное зрелище приводит к раздумьям, не может быть, чтобы тот пожелтевший, засохший карлик, обитающий в мавзолее, когда-то был великим, красным вождем многих племен. Наверняка его настоящее тело хранится в ледниках вершин наших гор. И веснами он напоминает своим открывшимся обликом о своей великости. Почему он выбрал наши горы? Да потому, что красивее и величественнее во всем мире гор не сыскать. Так что наш город обладает уникальным явлением вождя народу. Нашему народу. И мы с достоинством несем свое апостольское предназначение. Так вот, когда пробираешься за кордон заповедника, то попадаешь в такие места, что голова может сама по себе открутиться, так как хочется сразу увидеть все вокруг. Я никогда не был в Швейцарии, а в своем отрочестве попросту ничего не слышал о ней, но думаю, что если показать наши горы изнутри этим самодовольным швейцарцам, то они все дружно переедут сюда жить, потому что здесь увидят такую красоту, величие которой так потрясет их, что они и думать забудут о своей несчастной стране, в которой не осталось места дикой природе и где на каждую

большую и малую горки сделаны ступеньки или канатные дороги. Тут вы увидите, как из трех разных ущелий, грохоча, рвутся на свободу три самостоятельных реки, которые потом сливаются в одну нашу реку. И сколько бы раз ты ни побывал в этих горных местах, ни ходил по узким горным тропам, всякий раз все увиденное здесь неповторимо, свежо и ярко. Мне до сей поры кажется, что Бог специально упрятал лучшие красоты Земли в неприступные горные места, когда понял, что его дети на хорошие поступки по отношению к природе неспособны, за редким исключением. Специально не разрисовываю красоту природы наших гор, потому что описание это никогда не будет сравнимо с собственным созерцанием этого чуда. Да и можно ли описать божьи кладовые, которые таят богатства, подаренные нам просто так, по Всевышней доброте, и никогда мы всем искусством, созданным нашими руками, какими бы они ни были умелыми, даже близко не приблизимся к тому высокому искусству природы, имя которой — Создатель. Мы быстро привыкаем к потерям, копим какие-то эфемерные античеловеческие богатства, кичимся этим, вряд ли понимая, что завтра нам просто вдруг станет нечем дышать.

Слишком грустно? Грустить тоже надо уметь. Но пока продолжим разговор. Как уже говорилось выше, дома в станице строились близ реки. Но город, став городом, разрастался и стал расползаться вширь и вкось. Сады, которые долгое время носили имена своих первых хозяев, потеряв их, стали потихоньку забираться в горы, нет, не подумайте, что по доброй воле, просто их теснило увеличивающееся население. Просто делянки садов-усадеб, попав в руки приезжих невежд, никогда не видевших плодовых деревьев и не знавших, как поддерживать их жизнестойкость, превращались если не в пустыню, то в очень жалкое зрелище. И потому хорошие сады оставались повыше, в горах, где еще жили люди, знающие толк в садоводстве. Казалось, что деревья уходят в горы сами.

Но для нас, пацанов, еще существовал рай на Земле. Наступала весна, начинались игры, у пацанов свои, у девчонок свои, никакого смешения не допускалось. Особенно был славен праздник Пасхи Христовой. Мы, безбожники того времени, но не борцы-безбожники, а ско-

рее ищущие Бога, высыпали на улицу с куличами, крашеными яйцами и всякой другой пасхальной снедью, менялись, делились всем этим данным нам богатством, бились этими самыми крашеными яйцами, которые потом с восторгом съедались выигравшими и проигравшими. Этот праздник был самым вкусным, самым светлым весенним праздником. Остальные праздники мы не понимали, потому что они не давали нам столько радости и свободы, как светлое Христово Воскресение. Остальные праздники были в большинстве своем взрослыми. Но и мы выросли, выросел город, появились другие заботы, другие игры. Но мы о достопримечательностях города. Вы думаете, что у нас не было культурных центров? Были. Мост и спиртозавод, реку и горы, сады я уже упоминал. Был кинотеатр — бывший божий храм, экспроприированный большевиками, где смотрели фильмы, в основном революционные, но нам нравилось. Не нравилось другое. Рядом с кинотеатром жил Юра-дурак. Он не то чтобы совсем был дурак, просто в детстве переболел какой-то болезнью головы, перестал быть общественно полезной личностью и с тех пор безнаказанно лихоействовал в нашем городе. От всех полезных работ по причине слабости головы он был освобожден и приходил в кино на каждый сеанс, особенно на дневной (на вечерние сеансы шли взрослые люди, и там ему не позволяли хулиганить), и в отсутствие взрослых творил над нами беспредел. Это был первый в нашей станице и городе беспредельщик. Перед началом сеанса кино он выстраивал пацанов в шеренгу и ударом палки по голове разрешал войти в зрительный зал. Без этого милостивого, но болезненного разрешения невозможно было попасть в кинотеатр. Для того чтобы вовремя получить разрешительный удар по голове, нужно было принести Юрке что-нибудь из дому поесть. Если этого не делалось, а взять из дома еду было непросто, то на киносеанс ты попадал, в лучшем случае, к середине просмотра, а то и вовсе не попадал.

У нас в городе в то время было три известных дурака и одна дура. Один — Валера, добродушный увалень, так и остался ребенком на всю свою жизнь. Будучи огромным, как медведь, он все время возился с детворой, и те делали с ним что хотели — катались на нем, заставляли воро-

чать камни для запруды на реке. Он ворочал такие глыбы, что мы все, пацаны, очень гордились своим рабом. Но случалась драка, и он первый бежал наутек от самого невзрачного забияки. Когда он хорошо выполнял заданную работу и его хвалили, он бил себя кулаком в могучую грудь и гордо, по-детски, говорил: «Я Валера-моряк. Жопа в ракушках». Кто научил его этому и как он мог стать моряком в наших высоких горах, осталось тайной, но от него мы слышали только эти гордые слова, а больше довольствовались лучезарной улыбкой на его круглом, детском лице. Потом он куда-то уехал с родителями и след его потерялся. Да никто этот след и не прослеживал. Был моряк и нет.

Другой дурачок — Ваня — был совершенно безобидным парнем. В детстве кто-то пошутил над ним, вбив в его слабую голову мечту о том, что когда он вырастет, то непременно станет военным, и даже конкретно определили ему чин — капитан. Выросши до призывного возраста, он так донял своих родителей, что они где-то добыли настоящую офицерскую форму, конечно, без погон, которую он с гордостью надел и проносил всю свою жизнь. Жил он долго, но никто никогда одетым в штатское его не видел. И надета на нем, без сомнения, была всегда именно та военная форма, которую он с гордостью надел в своей юности, получив чин капитана навечно. Юрка-дурак пользовался Ваниной приверженностью к воинской службе, ставил возле кинотеатра впереди нашего разношерстного отряда и командовал: «Капитан, веди дивизию в бой». Дивизией, как вы понимаете, были мы. Капитан вполне серьезно отдавал Юрке честь, брал из его рук контролерскую палку наперевес, орал: «Ура!» — и мчался в ближайший небольшой парк, где, видимо, у него скрывался враг. Мы бежали за ним, тоже чего-то орали, побеждали врага, убедив командира, что враг повержен, возвращались. Когда мы приходили маршем на исходные позиции под предводительством нашего героического капитана, то встречали своими глазами прозаическую картину. Наш командующий Юрка-дурак обедал на крыльце кинотеатра, пожирая принесенные нами продукты. Он поздравлял Ивана с победой, награждал его пирожком, яблоком, а то и просто куском хлеба, ну, что было в это время под его вельможной ру-

кой, а потом всех воинов милостиво отпускал в кино. Так что если кто-то думает, что в то давнее время враг мог безнаказанно напасть на наш город, тот глубоко ошибается. Все мы, юноши 10-12 лет, прошли прекрасную боевую подготовку под руководством гениального командующего и урожденного капитана. Если нужно, найдем свидетелей, если, конечно, они остались живы после тяжелых ран в тех жестоких боях.

Ладно, дураков всех перебрали, остались дурочки. Дурочек тоже много было, но выдающихся личностей — одна. В каком она пребывала возрасте, Бог тому свидетель, а определить ее возраст было невозможно, потому что она и зимой и летом ходила в платке, в каком-то сером с рыжими подпалинами пальто и больших, грубых ботинках. Звали ее Паруша. Производным от какого имени было ее имя, можно только догадываться, но оно существовало в природе, как и сама его хозяйка. Представьте себе лето, воскресенье, полный праздного народа базар, и тут появляется Паруша, одетая в пальто, огромные башмаки и платок, и начинает голосить: «Я земля, я огонь, я вода, — размахивает руками: — Я разверзнусь, я сожгу, я потоп наведу». Жутковато для пугливого обывателя. Куда там до нее нынешним Глобам и другим вещателям, мелковаты они супротив Паруши, разве только Кассандра сгодились бы ей в пару. Попробуйте в жару в платке, в ватном пальто, в огромных башмаках поорите с утра до вечера одно и то же. А ведь кричала она ни за что, но вдохновенно. Она ничего за это не просила, взывала, и все. Нет, ей подавали многие, видимо, за глас божий. Многие за грехи свои всегда достойны и геенны огненной, и потопа, вот и откупались. Но принимала она эти подаяния так, будто когда-то, давным-давно, давала всем этим людям в долг, а теперь эти долги собирала. Когда наш великий кукурузовод Никита Сергеевич сильно переусердствовал в своих сельскохозяйственных новациях и с хлебом стало совсем скудно, то Паруша стала появляться в хлебных очередях и тут проповедовать и про землю разверзшуюся, и про огонь и воду. Иногда она вела себя тихо, не кричала, а молча получала хлеб и уходила. Бабы, что посмелее, спрашивали ее насчет мужиков, как она с ними, ну то да се. Мы-то, подrostки, тут же в очереди стояли, все слышали.

Паруша очень сердилась на эти бабьи вопросы, ругалась огнем и водой, про замужество и слышать не хотела, называла баб дурами. Те хохотали. Заняться ведь надо чем-то полезным в нескончаемой очереди за хлебом. Почитай, по целому дню выстаивали. Паруша гневно отвечала любопытным от безделья бабам, что в никакой замуж она не пойдет и что мужиков хороших не было и не будет. Заметьте сходство ее слов и мыслей с мыслями и словами нынешних женщин. У нынешних женщин мысли таковы же — мужиков нормальных нынче нет. Улавливаете сходство? Только Паруша сумасшедшая была. А наши, нынешние? Ну да ладно, не напрягайтесь. Но во время этих откровенных бабьих разговоров она, Паруша, часто упоминала про голубков, которые прилетают к ней в дом по ночам. Так и говорила: «Ко мне ночью только божьи голубки прилетают». Что это были за голубки, того не знаем, но однажды Паруша после долгого отсутствия появилась на базаре, держа на руках младенца. Сказалось, видимо, отсутствие настоящих мужиков. Как и нынешних баб, мужиков нормальных с огнем не сыскать, а глядь-поглядь — мать-одиночка. Но у Паруши-то все по-другому. Дело с голубками связано, с божьими. Представляете? Голубок, пусть даже голубки, но божьи, Паруша, младенец. Стало быть, Паруша наша — божья мать. А младенец на ее могучих руках... О Господи, помилуй, что такое говорю. Свят, свят. Прости меня, Господи, за скверну мыслей моих.

Жила Паруша в аккурат возле отделения милиции, тогда уже городского. Три милиционера на весь городок было, и ничего, справлялись. Понятно, конечно, рядом с божьей матерью, с благословением всегда порядок можно навести. Паруша жила в мазанке — землянке, теперь уже вдвоем с младенцем. Каждый год, в день крещения Христова, Паруша устраивала для жителей нашего городка грандиозное представление. Половина населения городка приходила дивиться на такой ее ежегодный обычай. Где-то по времени ближе к обеду Паруша приходила к реке, чуть повыше моста. Где у нас находился мост, вы уже знаете. Где? Правильно, на реке. Так вот у этого моста на нашей реке разыгрывалось библейское действие. Посмотреть на него народ валил толпами, со всеми чадами и домо-

чадцами. Паруша, нисколько не стесняясь столь массового внимания своих сограждан, спускалась с берега к самой воде, а река тогда замерзала по краям своего русла, и лишь середина ее голубела ледяной водой. Спустившись к реке и подойдя вплотную к воде, Паруша скидывала с себя все свои известные и неизвестные нам одежды и, постояв в чем мать родила на льду, что-то шепча и вздымая к небу руки, входила в воду и ложилась в нее. Народ обмирал. Зрелище не для слабых. Это сейчас народ стал весь поголовно купаться в прорубях, а тогда только сумасшедшие. Как видите, Порфирий Иванов вовсе не пионер этого загадочного движения, а лишь следствие смелых действий нашей Паруши. Потом она спокойно выходила из воды, обтиралась своей же одеждой и не спеша одевалась. Шум радости пронесся по толпе, все радовались, что легенда города осталась жива даже после испытания ледяной водой и будет продолжать радовать население пророческими изречениями. Надеялись, что после ее всенародного крещения они, эти прорицания, станут понятны всем. Правда, часть взрослых мужиков чему-то жалобно ухмылялась, видимо жалея о погибающей в проруби красоте и о том, что в присутствии толпы нельзя присоединиться к исполнению обряда. Да и было о чем жалеть. Под убогими лохмотьями одежд девы таилось молодое, сильное тело, гибкое и смелое. Ну, конечно, не Клава Шиффер, но тогда и топ-моделей не знали, да и картинок нынешних не видели, так что Паруша первая на подиуме, ледяном, была, а первой и первое место.

Дальнейшая судьба Паруши обернулась ей человеческой жестокостью. Когда подросток ее мальчишка и превратился в кудрявого крепыша, его стали у нее отбирать и куда-то увозить, наверное, в детский дом. Но мать каким-то одним ей ведомым звериным чувством находила его и возвращала себе. Но все опять повторялось. Ребенка отбирали много раз, но Паруша вновь находила его и возвращала в свой дом. Ее стали закрывать в милиции. Тогда, в очередной раз выкрыв свое чадо, она ушла с ним в горы. В подножье горы вырыла пещеру и там стала жить, спускаясь в город только за продуктами. Долгое время ее никто не тревожил, но все доброе недолговечно. Власти выследили ее логово

и вместе с сыном увезли куда-то, и больше никто ее не видел, и слухов о ней не приходило.

Как давно это было, но было, и тому пока есть свидетели. Мало, но есть. А зачем много-то, мы же не в суде, а просто путешествуем в прошлом, заглядывая в памятные, милые сердцу места и находя в них людей, которые запомнились своей яркой непонятностью, детскостью отношений к людям и природе.

Между тем время шло, бежало, летело, рождались люди, росли, взрослели, старились. Жизнь — миг, который на радостном крике рождения несется в неизвестность и вдруг заканчивается вздохом сожаления о только что начавшейся, но уже окончившейся, прожитой, но всегда недожитой жизни.

Взрослели и мы, вырослел город. На «той» стороне реки стали возводиться многоэтажные дома. Это было интересно, но в то же время и грустно, потому что застройка этих домов полностью уничтожила прекрасный грушевый сад. До сей поры от того сада осталось несколько старых деревьев, которые продолжают плодоносить, как бы забыв о времени, напоминая о буйстве красок юности и варварстве людей.

Время шло, заканчивались золотые школьные годы, уходила целая эпоха нашей жизни. Светлели глаза девчонок, и округлялись их формы, и из противных, недружелюбных существ они превращались в желанных, милых красавиц, будоражащих наши головы больше, чем учеба. Мы еще не знали, что наши мелкие школьные злодеяния, направленные супротив наших учителей, и сами лица наших добрых педагогов будут вспоминаться на протяжении всей жизни в самых светлых и вместе с тем грустных образах. Мы многому научились в школе шутя, смеясь, задумываясь, любя и нет, тоскуя о чем-то непонятном и радуясь неясно чему. Еще долго в нашей душе будет возводиться свой собственный город, фундаментом которому будет служить школа. И насколько прочен будет сей фундамент, зависит вовсе не от оценок в аттестате зрелости, а в сознании того, что здесь, в школе, осталась часть тебя самого, твоей жизни, что все ранее непонятное становится вдруг понятным только благодаря этим десяти годам твоей пока еще очень маленькой жизни. Долго будет

сниться школа, пожизненным будет наше покаяние за нелепость совершенных поступков, за неблагодарность юности, за высокомерную насмешливость здорового, юного тела, за ослепление несоразмерностью фантазий, подзамятых из красивых книжек. И вот покинули понятность школы мечтательные Наташи Ростовы, героически благородные Андреи Болконские, добродушные Безуховы, фанатичные Корчагины, Печорины нашего времени, но вместе с ними в жизнь скаканули Чичиковы, Раскольниковы, вечно юные Павлики Морозовы. Вышли юные души, еще незнакомые с булгаковским Воландом, с головами, доверху наполненными ужасной марксистско-ленинской идеологией, одни безгранично верящие в обещанное светлое будущее, другие уже немного сомневающиеся в определении истин. Все эти литературные и вовсе не знакомые никому герои рванули в жизнь исполнять свои мечты, роли, надежды и просто обязанности.

Мы опять выходим в наш городок и, оглядываясь в прошлое, осматриваем его примечательные нашей молодости места. Они красивы и таинственны, хотя ты бывал здесь уже много-много раз, но каждый раз ощущаешь не только свое новое присутствие здесь, но и свои давние следы, которые шагами отдаются в твоей памяти, и никакая сила не может ослабить дружеские рукопожатия юности, первые нежные, неумело-торопливые девичьи объятия, песни под гитару, глупые, но нежные, веселые с грустинкой, все, что остается в тех местах, которые мы любим и которые навсегда остаются с нами.

Итак, мы снова в городе. Конечно, он изменился со времен детства, отрочества и юности тоже, то ли вырос, то ли постарел. Скорее всего, он как-то посерел от неразберихи строительных, от нашествия невежд, от бездумной деятельности управителей-временщиков. Много изменилось, но оставались оазисы, где можно было встретиться с друзьями. Одним из таких мест был «Пуп». «Пуп» находился на пересечении главных улиц. Одна из них проходила через мост, другая сразу же за мостом пересекала ее. На этом перекрестке, прямо по центру его, работники дорожной ин-

спекции повесили первый в городе светофор (да и где же его еще было повесить, как не на «Пупе»), но работал он недолго, и надобности особой в нем не было. Но раз повесили, он так и висел. Он загорался, если кто-нибудь из празднующихся пинал ногой по столбу, от которого шли к светофору провода. Это называлось отметить на «Пупе». По выходным дням на «Пупе» собиралась молодежь. Здесь мы узнавали новости, новые анекдоты, меломаны менялись кассетами с новыми записями. Все встречи назначались на «Пупе». Верх и низ поменяли свое определение. Пространство от гор до «Пула» называли выше «Пула», все остальное ниже «Пула». «Пуп» был местом встреч, знакомств, свиданий, объявлений. Рядом с «Пупом» допоздна работал винный магазин, и настроение тусующихся поддерживалось в тунусе знаменитым портвейном №12. Когда вечерело, шли на танцы. Зимой в небольшой Дом культуры, где толпе явно не хватало места и потому часто возникали конфликты между населением разных районов города. Но Дом культуры был один, и поделить его не виделось возможности. Дралась, правда, в наше время культурно, один на один, под присмотром авторитетных парней. Никого никогда не запинывали толпой, как это делается сейчас. С девушками обращались поджентльменски, без грубости и мата, а если кто-либо болтал про свою любовную победу у девчонки и это оказывалось неправдой, то положение этого болтуна в обществе становилось незавидным. А выяснялось это просто. Героя, что объявлял о любовной связи, подводили к этой самой девчонке и спрашивали у нее, правда ли то, о чем он говорил пацанам. Если она отрицала, а хитрить тогда мало кто умел, то болтуна крепко били, и он переходил в разряд «шестерок» навсегда. Все делалось по справедливости, как сказал бы герой романа Ильфа и Петрова Шура Балаганов. Летом в городе для молодежи становилось раздольно. Танцы проходили в сосновом парке, живописном месте, окруженном соснами, высокими и стройными. Танцплощадка находилась на горочке, куда вели ступени, такие же, как сейчас ведут на плотину в урочище Медео, только, может быть, их было немного меньше.

Кроме этого парка, в городе имелся парчок, что находился чуть выше «Пупа» и весь утопал в зарослях сирени. Под этими кустами сирени во множестве стояли настоящие парковые скамейки, все они по вечерам были заполнены парочками, просто отдыхающими после работы людьми, и, представьте, никто эти скамейки не ломал. Когда зацветала сирень, парчок становился похож на один большой сиреневый куст, расцветший в самом центре города. Запах сирени сбивал мысли, вносил в них возвышенность, нежность, и потому плохо помнились слова, что ты вчера шептал своей любимой, сидя с ней вот на этой скамейке в парке, хотелось снова вернуться сюда, чтобы вновь пережить страстное, нежное томление влюбленной души. И потому парчок никогда не пустовал. Хочу огорчить читателей — запустел сосновый парк, от него осталось несколько кустов сирени и ни одной скамейки.

Еще у нас есть озеро. Правда, искусственное. На краю этого озера стоит большая-пребольшая металлическая вышка, которую называют «Пиком». Пиком нашего города. Озеро долгое время было любимым местом отдыха жителей города. Обширный парк, озеро, близость реки позволяли на славу отдохнуть взрослым людям и особенно детям. Были лодки, был пляж, была чистая, теплая вода, все было. Почему не стало? Люди перестают быть людьми, когда теряют свои корни, когда перестают ощущать родство земли, на которой живут. Жалко людей, ставших перекаати-полем, поется в старой доброй песне. Вот и мне жаль их, но больше всего мне жаль и других аборигенов нашего города (нисколько не стыжусь этого названия человеческого постоянства), потому что жить и видеть, как походя, не имея никаких оправданий, бесцельно разрушают твою память. Что может быть горше?

Красоте природы не надо удивляться. Удивление — удел бестолковых. Они-то как раз и являются разрушителями красоты, так как не могут соразмерить прекрасные творения природы с движением своего бесцветного разума. Красоте нужно радоваться, как радуются ей дети. Радоваться и радеть ей. Любить и беречь. Нет, не так, как некоторые «гринписовцы», поливая людей в красивых шубах кислотой.

Это уже новое движение пролеткульта против буржуазии. У меня нет такой шубы, не будет и у тебя — их лозунг. А лозунгов как раз не надо, нужна тронутая красотой душа и разум, несущий воспитание этой красотой. Природа, она ведь суть женщина. Чем больше влюбленности и нежности в вашем взгляде, устремленном к ней, тем красивей и нежней становится природа-женщина. Раскрывается все потаенное, все ранее незаметное становится не только видимым, но и лучшим в тайнах открываемой, еще, может быть, очень робкой, пугливой, но уже доверчивой к вам красоты.

В окончании повествования, которое хочу закончить на веселой строке, не могу не упомянуть еще об одном знаменитом человеке, буквально истоптавшем улицу нашего города, от спиртозавода до РТС. Это два крайних района нашего города, меж ними по соединяющей их трассе километров семь-восемь. К чему эти замеры? А вот к чему. Жил в нашем городе человек по имени Григорий Моисеевич. Нет, вы ошиблись, не музыкант, а математик. Он преподавал математику в школе №4 района спиртозавода. С ним случилось несчастье. От нерадивости своих учеников, от напряженного учительского труда у него стало болеть сердце и даже случился инфаркт. Отлежав положенное время в больнице, невзирая на грозные предупреждения докторов, он по утрам начал потихоньку бегать трусцой, и со временем этот тихий бег с малых дистанций постепенно вырос в длину всего города. В течение нескольких лет он каждое утро пробегал эту дистанцию. К нему, бегущему, так привыкли, что жители города не представляли своего пробуждения без пробегающего мимо их окон Григория Моисеевича. Но вот однажды случилось невероятное, он исчез из утреннего заоконного пространства. Нет, он был жив и здоров (слава бегу), но бегать перестал. Вскоре вдруг все узнали, что Григорий Моисеевич оформляет документы на выезд в Израиль. Еще на месте жили все немцы, еще неприступной стояла Берлинская стена, еще благоденствовала коммунистическая партия и вершила судьбы людей, еще попасть за «бугор» для простого учителя было все равно что грешнику в рай, и вдруг неведомый Израиль.

Все сочувствующие люди стали гадать, уедет не уедет, отпустят не отпустят. Отпустили. Знаете почему? Да нет, не как лучшего бегуна от инфаркта. Таких премий тогда не давали. Беги куда хочешь, все твои шаги считают и отслеживают. И потому, как все люди, пытающиеся изменить свои нравы и помыслы на «забугорные», Григорий Моисеевич, как член единой и любимой партии, был приглашен на бюро райкома, в аккурат после подачи документов на выезд. И вот бюро райкома в сборе, люди в черных пиджаках и галстуках настроены дать решительный отпор бегуну, простите, перебежчику из одного социального строя в другой. Много серьезных вопросов задали в тот день Григорию Моисеевичу. Но один из вопросов, вернее ответ на оный вопрос, выбил разгневанных партийцев из седла правильно бегущего идейного коня. Спросили: «Григорий Моисеевич, вы же член нашей родной партии, советский учитель, как вы можете бросить страну, которая вас учила, воспитывала, тратилась на вас? Вы же член КПСС, вы понимаете это?» Ответ был таков: «Я все понимаю. Но я знаю, что в Израиле тоже есть братская коммунистическая партия. Я намерен сразу же по приезде вступить в нее. Только, пожалуйста, подскажите, я смогу это сделать с этим партийным билетом или мне там выдадут другой?» Члены бюро, что были поумней, захохотали от смеха, а те, что поглупей, негодовали. Но отпустили. Иногда нужно показаться глупым, чтобы на тебя махнули рукой и отпустили. Куда? А куда-нибудь, где еще живут люди.

В начале повествования я предупреждал, что оное будет лишь легким прикосновением к жизни и к достопримечательностям нашего города, городка, станицы. Но когда накопится больше материала, постараюсь раскрыть свою мечту гораздо шире. А пока с юмором и грустью говорю: до свидания. А закончить хочу грустно, думаю, что меня поймут. Все чаще задумываюсь, почему наш город покидают люди, родившиеся здесь, те, что садили деревья, строили дома, любовно окружая их садами, они верили, что их город самый красивый и так будет всегда. Нет, они покидают родные места не от недружелюбия между жи-

вущими здесь нациями, с этим, слава богу, все нормально. Они покидают город потому, что не могут видеть, как он погибает от нашествия вандалов. Они не могут видеть сломанные ветки посаженных ими деревьев, мусорную яму на той и другой стороне реки, бесконечные летние пожары в горах. Все это уничтожает душу, и они уезжают, чтобы сохранить в своей памяти милый образ своего края таким, каким они видели его еще совсем недавно. И в этом их нельзя обвинять. Каждый человек имеет право на память, и каждый волен выбирать, что ему видеть во сне, пустыню или цветущий сад, грязь или цветочный ковер, мутную воду или искрящийся голубой поток. Но что же мечтают увидеть другие, что прибывают сюда, вырубают деревья, сады, ломают все, что можно сломать, строят себе уродливые жилища? Они собираются здесь жить или приехали сюда умирать? Если умирать, то умереть они могли в созданной ими же пустыне, что недалеко от бывшего Аральского моря, откуда и идет нашествие вандалов. Тот край они превратили в пустыню, вырубив и распродав огромные природные запасы саксаульника, который корнями удерживал движение песков в сторону моря. Теперь дело за малым — совершить то же самое у нас. Пока у нас.

Все реже встречаются на улицах города родные, знакомые лица, с грустью напоминающие о прошлом. Все меньше остается мест, которые помнят о юности, молодости, многое разрушено, сломано, смято. Смята память, память доброты природы и человека. Потому уезжают люди, боящиеся увидеть агонию еще оставшейся красоты.

Вы спросите, почему не уеду я? Отвечу. Потому что здесь родился Я.

КНИГА

Пониманию своего присутствия в мире я обязан бесконечности памяти, сохранившей замечательные события детства. Воспоминания эти всегда были очень прочно связаны с моей последующей жизнью, во многом способствовали духовному становлению, не позволяли изменить нравственного начала, положенного мне рождением, в поисках доброго согласия в человеческих отношениях. Прожитые годы изменяют направление наших ранних стремлений, и только память способна хранить эпизоды прошедшей жизни, давая возможность соизмерять нынешние поступки с лучшими порывами прошлого. Не возлюбить мерзости окружающего мира. Память детства — лучшая свобода, которая даёт силы отвергнуть недобрые побуждения души при достижении необходимой цели.

Короткому, но светлому времени узнавания себя как творения Божьего разума я в первую очередь обязан Книге, своему желанию читать и жить в прочитанном. В долгие зимние вечера, когда наша семья собиралась за круглым столом в большой комнате дома, происходило действие,

которого я ожидал весь день. Не знаю, с какого времени жизни я начал сознательно ощущать её пространство, но, судя по событиям, которые запомнились, случилось это очень рано. В этом пробудившемся для меня свете уже жили мои сёстры и брат, соседские ребята, добрая и милая бабушка, родители. Освободившись от дневных забот, вся семья сходилась вместе обсудить текущие события, выпить вечернего чаю и, что было важным для меня, продолжить чтение книги. Не важно какой, но само таинство открывания и перевертывания страниц, мамин голос, произносящий ещё неведомые слова, завораживали. Эти каждодневные вечерние чтения предназначались моему отцу и заканчивались, когда он начинал дремать. И хотя старшие сёстры и брат тоже быстро засыпали при этом, я не мог сомкнуть глаз, боясь пропустить слова, которые, казалось, сами сходили со страниц и маминым голосом оживляли тишину дома. Читала мама с глубоким выражением чувств автора и, наверное, своих, и это понимание и переживание написанного передавалось мне особым чувством прелести неизвестного, но созвучного моему только начинающему жить сознанию, повествования. Я ловил звуки и по их интонации определял настроение происходящих на страницах книги действий. Переживания были так глубоки, как если бы мною понималась связь произносимых слов. Мамин голос, с которого началось узнавание звуков, продолжал моё продвижение в познании загадочного хаоса родной речи. Всегда запоминались последние прочитанные слова. Просто так почему-то. Эти слова становились окончанием волнения в неясных переживаниях начального общения с книгой. Следующим вечером мама спрашивала, какими строками закончилось чтение страницы, которую закладывала лентой, и я безошибочно называл эти слова. Сначала этому удивлялись, но скоро вопрос стал относиться только ко мне и стал чувством полезности моего участия в процессе познания. Время, когда пришло понимание читаемого текста, случилось сразу, как прозрение, после многолетних терпеливых слушаний. Имеется в виду серьёзная ли-

тература. В доме читались сказки, которые усваивались сразу, а многие из них я знал наизусть. Но восприятие события из взрослой, толстой книги пришло так внезапно, что помню, как задрожало моё маленькое тело, когда звучащие маминым голосом слова обратились действием в моём воображении. Даже сейчас помню описание рощи, по которой ехал всадник без головы. Мне открылись строки романа Майн Рида. Это стало одним из самых светлых событий, которое навсегда сохранила память. Интересно, но так же произошло и с музыкой. Впервые почувствовав волнение от звуков мелодии, которую слушала с проигрывателя мама, я спросил, что это было? «Вальс «На сопках Маньчжурии», — ответила она. До сих пор испытываю в себе волнение восхитительного обновления, когда звучит этот вальс. И точно знаю, как неожиданно и навсегда приходит понимание прекрасного. Надо только ждать этого и успеть вдохнуть начало своего пробуждения и задержать в себе надолго, навсегда, чтобы позднее оно расцвело новыми словами, мелодиями — той жизнью, которую вы хотите жить.

Поступив в школу, я быстро научился читать и писать, стал отличным учеником, но совсем мало тревожился этой славой. Часы, свободные от занятий, были посвящены чтению книг из домашней библиотеки. С каким-то, теперь непонятным, упорством перечитывал книги, уже прочитанные в семейном кругу, находил в них запомнившиеся слова и радовался этому. Радовался так же, как светлому утру, улыбке на мамином лице, строгой отцовской ласке. К тому времени моя бабушка стала плохо видеть, у неё побелели зрачки глаз. Она просила читать вслух свои огромные старообрядческие книги, написанные бог весть когда на старославянском языке. Часто повторяя это чтение, я вскоре, уже без бабушкиных подсказок, понимал вязь старых слов, почти забытого языка. Помню, что читал эти книги без всякого понуждения и даже с интересом разбирал мудрость древнерусского алфавита. Благодарен светлой памяти моей бабушки. Она учила уважать прошлое своего народа, много рассказывала о минувших годах, правда, умалчивая в своих воспоминаниях до поры моего возмужания трагедию собственной жизни. Кроме того, была возможность пользоваться

книгами из школьной библиотеки. Библиотекарь, очень строгая и педантичная дама, расспрашивала о содержании каждой прочитанной книжки. Постепенно увеличивая нагрузку на мой пытливый разум, она увлекала мой интерес к серьёзному изучению языка книг. Языка литературы. В отдалении славных лет своего детства начинаю понимать этих добрых людей, благосклонно внимающих любопытству простого мальчугана. Эти чудом уцелевшие потомки благородного класса русской интеллигенции, вихрем революции и репрессий разбросанные по таёжным уголкам своей родины, видели в детях продолжателей великой культуры и всячески помогали нам осознать это. Уверен, не случись в жизни таких людей, подвигающих зреющий разум к пониманию доброго и вечного, моё поколение навсегда бы пропало в жутком кошмаре пропаганды пролеткульта. Страх этого неслучившегося падения до сих пор преследует меня и заставляет недоверчиво относиться к новым, часто шокирующим, веяниям в искусстве. Опасность разрушения страшна не сжиганием книг, не осмеянием вечных человеческих ценностей (рукописи не горят, так как мысль нетленна), а поманиванием любопытства юной души на шабаш бескультурья, безнравственности, побуждения к низости помыслов путём раздачи наград от кумиров человеческих пороков. Создание идолов и есть разрушение цельности человеческой души.

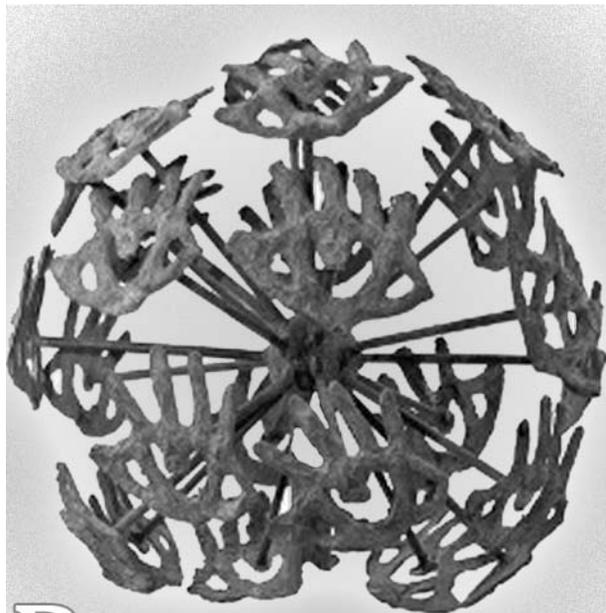
Вижу себя подростком, по-старому отроком, идущим по улице, ведущей к родному отцовскому дому. Меня встречает парень по имени Сергей, гроза всего нашего района, державший в почтении и повиновении себе парней и мальчишек округи. Я совершенно его не боюсь, он наш сосед, а вдобавок очень справедлив в своей силе и славе. Его непререкаемый авторитет всегда защищал мальчишек нашей улицы от синяков и шишек — несправедливости возраста и даже от гнева наших же старших братьев. Мы уважали его за почти отеческое отношение к младшим. Именно так. «Что несёшь?» — спросил он. «Книгу», — смутился я и показал томик, обернутый в газету, который взял в школьной библиотеке. Это была «Хижина дяди Тома». «Будешь читать?» — взглянул на заглавие Сергей. Я кивнул. «Тогда пойдём», — он взял меня за руку и повёл за собой. Оттуда я уже никогда не вернулся. Таким,

каким был прежде. Он увлёк меня в свой мир, скрытый от посторонних глаз. Я замер, стоя в середине комнаты, стены которой были увешаны полками, сплошь заставленными книгами. Такого собрания больших, потрёпанных, внушающих благоговейный трепет своей тайной сочинений мне прежде никогда видеть не доводилось. Мой взгляд блуждал в названиях на корешках этих роскошных, возможно даже раритетных, изданий. Но тогда я ещё не был знаком с такими определениями. Просто искал что-то нужное, сам не зная того. Так, должно быть, ведёт себя каждый читающий человек, оказавшийся в незнакомой библиотеке, испытывающий волнение, исходящее от незнакомых названий фолиантов, совершенно забыв о времени и частной жизни. Такова магия книги. Колдовство это тем сильнее, чем больше времени прожила сама книга. Её тайна, заключённая в пожелтевших страницах, ворожит плуце видения сразу всех чудес света. Они все там, только их надо уметь отыскать. Но само таинство ещё не раскрытой книги, волнение неутолённого любопытства и есть начало вхождения в скрытый мир человеческого сознания, вязью букв проложившего путь к мысленному наслаждению будущего поиска.

«Выбирай», — слышался голос проводника. И я выбрал. Правильно. Самый-пресамый толстый том «Истории Византии» и угадал, это был именно первый том этой великой истории. «Вот так сразу. Начинаешь правильно. Но это будет чуть позже. А пока пройди по более светлой, доброй и красивой планете. — Он подал не менее увесистый том «Сказок народов мира». — Надо вначале узнать, о чём мечтают и говорят люди, а уж потом начинать понимать их дела, которые, увы, редко совпадают с мечтами». Конечно, обида царапнула мою начитанность, столь много знать, а тут опять детские сказки. Но уже начало предложенного чтения растворило мою обиду в благородных чаяниях человечества. Эта книга нужна была для объединения прочитанного ранее. Она стала моим прощанием с детством. Запечатлённая на её страницах память радости видения простых вещей и доброты слов объединялась здесь и с моим счастливым прошлым. Потому как взросление не принесло людям ничего, кроме обманутых надежд. И никому в отдельности тоже.

Позже, после тщательного экскурса по страницам первой прочитанной книги, вопрос учителя и ответов ученика, дотошного разбора общности и различий в повествовании сказаний разных народов, я получил одобрение и право пользования библиотекой моего уважаемого наставника. Но пока только по его указанию. Моё духовное образование продолжилось: сказки сменились мифами и легендами древности, потом начался обширный курс русской классической литературы, и только после всего этого Сергей доверил выбор книг мне, сопровождая поиски направляющими советами. Он больше не спрашивал о прочитанных сюжетах, беседовал со мной как равный, но, всегда угадывая направление моего любопытства, стремился поддерживать этот интерес к дальнейшим духовным поискам. Он надолго стал моим проводником в удивительном мире словесности. В то время когда я изучал литературные шедевры из его библиотеки, он окончил институт, преподавал историю в школе и стал зваться Сергей Александрович Ошанин. Личная жизнь его не сложилась, как не получилась она у многих образованных людей того времени. Как-то, через много лет нашей дружбы, он зашёл ко мне и принёс с собой несколько томов античной литературы. «Это тебе», — просто сказал он, выкладывая книги на стол. Я долго отказывался принять такой дорогой, в моих глазах, подарок. Но он убедил меня сделать это словами: «Возьми. Всё равно, кроме тебя, никто этого читать не будет. А служить чьему-то глупому тщеславию будет недостойно этих великих сочинителей». Это была самая высшая похвала всей моей жизни. Через короткое время мой благородный учитель погиб в автомобильной катастрофе. Но и сейчас, прикасаясь к страницам этих потрёпанных книг, вспоминаю своего наставника, подвижника моих исканий в литературе.

В моей жизни не было хороших и плохих книг. Были книги, продолжившие образование души и нет. Просто необходимо почувствовать надобность прочтения произведения в нарастающей волнении воображения уже в самом начале перелистывания страниц. Это как поиск сокровенного клада, упрятого в замысловатых узорах строк, ещё и ещё... книга закрывается, но поиск продолжается.

Возвращение памяти

Володька Фомин разбился. Разбился насмерть. Бывало у него: сядет на мотоцикл, уедет за город и гоняет там по бездорожью будто помешанный. Потом ничего, загонит машину в сарай и не вспоминает с неделю, а то и больше. Найдёт блажь, снова целыми днями может гонять, кончится кураж, мотоцикл на прикол, и забудет. Вроде запоя что-то, только без водки.

И в этот раз всё было так же. Гонял, гонял, а потом нашли его метрах в двадцати от мотоцикла. Лицо начисто снёс. Лежал теперь в гробу, вместо головы — бинты. Потому вроде как и не он. И только мать знала, что он. Она гладила закрытое бинтами лицо, время от времени припадала к нему щекой, замирала, как бы прислушиваясь. Горе её было так велико, что сдавило её со всех сторон, она сжалась в маленький чёрный комочек, застывший на стуле возле гроба.

Приходили Володины друзья, громоздились у гроба в виноватых позах, явно недопонимая произошедшее. Они же зачем-то приволокли с мес-

та трагедии искорёженный мотоцикл, и тот краснел грудой металла у дровяного сарая. Его, конечно, можно будет восстановить, да вот только Володька уже не сядет за его руль. Такие мысли возникали у многих людей, приходивших проститься. Друзей у Фомина было много, потому их присутствие казалось постоянным. На самом деле они просто подменяли друг друга на этом печальном дежурстве. Многие из них искренне любили Володю и теперь пуливно глядели на его обезличенную марлей голову. Они не верили, что там, за нелепой повязкой из бинтов, кроется такое знакомое многим с самого детства лицо. Лицо красивое и славное. В гробу лежал кусок их жизни. Добрый кусок. В гробу лежал не только Володя. Там лежало многое для многих. А для матери всё. Это всё останавливало мысли, движения, давило объёмом непонятности, безвозвратности и потому невозможности мыслить. Были слова, но они не запоминались, пропадали в неясности своего будущего. Потому как будущее не стало. Как не стало его у Володьки Фомина.

Фомин в своей жизни был человеком со странностями. Да и у кого их нет? У одних это считается нормальным, у других странным. Вообще-то, он был нормальным парнем, как все, до случая, которые происходят сплошь и рядом. Лет пятнадцать тому назад была у Фомина невеста. Всё окончательно договорено у них промеж собою было. Уже и свадьбу хотели играть по осени, да она пропала невесть куда, невеста та. Володька туда-сюда искать, но никто ничего не знает. Только, почитай, через неделю мамаша невестина призналась, что та уехала с залётным офицером куда-то аж за Байкал. Баргузин, короче, подалась.

Фомина после этого как подменили, молчалив стал, к девчонкам ни шагу. Сколько за ним красавиц увивалось, но он будто замороженный стал. С матерью вдвоём так и жили. Работал он по командировкам, половину месяца работает, потом дома. То приемник какой-нибудь новейший собирает, то мотоцикл купит и воспитывает его на бездорожье. В доме у него все на своём месте. Как у людей. Да вот не женился никак. Мать вначале пыталась поговорить с ним о женитьбе, да после отказалась от того. Не хочет он о том говорить. Начали сердобольные люди невест ему сватать, так

он так взбрыкнул, что и все остальные от него отступились.

А так со всеми был дружен. Только приедет из командировки, тут же друзей полон дом. Иногда и выпивали понемногу. Но не часто, да и не зло как-то пили. Больше для разговора, чем для крика. Зарабатывал Володька хорошо, почему бы не посидеть с друзьями, не выпить? В общем, завидный был жених, да не женился. Да ещё невеста его через год-полтора явилась домой, притихшая да помятая, с приплодом. Оправилась понемногу, посмелела, призабыла чуть забайкальского гусара да тоже стала на Володьку поглядывать. Было на что посмотреть. Как говорится, и ростом, и лицом вышел. Начала всё к матери его похаживать с разговорами, пока Володьки дома нет. Да он их как-то застал на их тайной вечере, не ждали, видно, ну всё и прекратилось. Поговорили, конечно. Мать его потом рассказывала соседям: «Сидим, говорим о нём, а он вот и входит. Гости, говорит, у нас, а что же стол не накрыт? Ну, думаю, слава богу, пронесло. Собрала на стол, он бутылку принёс. Выпили, закусили. Он и говорит: «Вот это наша свадьба была. — Снова налил, выпил. — А это вот — развод. — Мы и глаза вытарасили. — До пояса, — говорит, — я тебя ещё люблю, а вот ниже, простите, — нет. А половиной ведь ты стать не можешь? Не можешь. Я лучше тебя ту, давнюю, буду любить полностью, чем эту твою нынешнюю половину. Прощайте». — И ушёл. А мы так с открытыми ртами и остались сидеть». Ну, а потом всё по-старому пошло.

Бывает такое, вроде у всех чувства, да у всех по-разному. Одному — та ли женщина, другая, без разницы. А у другого как замкнёт, от первой любви никуда. Носит в себе одному ему понятную радость, тешится ею. Говорят, что несчастлив он. А кто его знает, кто более счастлив, тот, кто баб каждый день меняет, или кто один на своей свадьбе гуляет? Кто свою первую любовь чистой сберёг, хотя бы для себя. Как он там с ней по ночам беседует, никто не слышал? А если кто и слышал, не расскажет. Это тайна. Тайна, которую знает один. Досужие вымыслы — это равнение на себя. Не все так смогут — зараз отлюбить на всю жизнь. Или, скорее, наоборот, всю жизнь любить один раз. Это не только в романах, но и в жизни бывает. Только в жизни не ясно как-то. Неярко.

Похоронили Володьку. Всё честь честью. Похристиански. Обрела покой душа его, а с ней и любовь. Любовь его тут же, у гроба, рыдала. Белугой ревела. Тоже, видно, не просто у неё всё это было и прошло. Дорого ей своё беспамятство далось. Так бывает, в омут бух, ничего не видно, не слышно — хорошо, а вынырнешь — опять то же, что было, только уже видней. Вот тут боль как режёт по глазам, по сердцу. А тут крест на всём этом. Крест, и всё тут. Под крестом отмучившийся лежит, а вокруг мученики стоят. Кто чем мается. Под крестом у каждого своя боль осталась. Вроде хорошо, зарыли боль, нет её. Ан нет, связь с этой болью потеряешь — даже вздрогнешь от такой потери. Человек — он из боли состоит. Чтобы знал, что живой. Всё думает себе, скорей бы боль прошла, а пройдёт, себе не рад, всё о прошлом вспоминает, всё боль свою там ищет. Найдёт, тешится. А если зарыли, где найдёшь? Мечтать не всякий человек способен.

Но как бы ни было — схоронили Володьку. Помянули, как водится, дома. Друзья как столбы за столом сидели, мать как тростиночка меж ними. Каждый за поминальным столом о смерти думал. О несправедливости её, непонятности. Дом был полон людей, а казался пустым. Всё было мёртвым, слова, движения. Им не было продолжения, и они, не успев родиться, погибали, сраженные своей незначительностью. Разошлись поздно, старушки остались молиться, другие по домам пошли.

Воскресенье занялось свободным, светлым утром. Первым пришёл Витька Михайлов. Он влез в дверь, посмотрел на старушек, поздоровался, помялся малость и выдал такие слова:

— Тётъ Маша, я тут Володьке денег должен. Строился, дак занимал. Вот принёс.

Старушки повернули в его сторону свои отжившие лица. Лица поморщились, как будто что-то вспоминая, и через некоторое время выразили удивление. Мать поправила чёрный платок:

— Бог с тобой, Витя. Зачем они ему теперь? Оставь себе. Вспомнишь когда.

— Что вы, тетъ Маша, не могу я так. Друг ведь он мне. Не хочу, чтобы промеж нас долг был.

— Да ведь помер он, сыночек-то мой.

— Не помер он вовсе, просто ушёл от нас. Надоели мы ему, видно. Он сильный был, вот и ушёл. Должны были мы, да мы не можем.

— Окстись, Витя, что говоришь-то, — одна из старушек покачала головой.

Витька положил деньги на стол и хотел было выйти, но навстречу, оттолкнув его, вошёл ещё один Володькин друг, Николай. Он был угрюм и озабочен. Разговор с матерью повторился. Деньги легли рядом с первыми. Потом пошло. Друзей набился полон дом. Приносили по-всякому. Кто сколько раньше брал, то и приносил. Горка денег на столе росла. Старушки притихли. Не привыкшие в своей жизни к деньгам, они испуганно смотрели на деньги, никому не принадлежащие. Парни стояли вокруг, не зная, о чём говорить, да и нужны ли были разговоры в этот миг. Были деньги, были люди, но не было человека, который мог распорядиться этим богатством. Без него им не суждено было выполнять своё предназначение. Деньги перестали быть деньгами. Они стали доброй памятью о человеке, помогающем людям. Может быть, первый раз деньги напоминали о добре. Неожиданно для всех горка из денежных купюр стала памятником. Мемориалом дружбы, доброты, всего хорошего, что ещё осталось у людей. Каждый думал о своём, но в мыслях этих людей не было жадности. Одни отдали долг, другие его не приняли. Не потому, что им не нужны были деньги, но потому, что они им не принадлежали. Это был ритуал возвращения человеческой честности. Своего рода посвящение в неё. Деньги не были деньгами, люди стали людьми. Вдруг су-

дорожно сжалась и заплакала мать. Старушки кинулись её утешать. Вскоре она успокоилась. Глаза её немного просветлели, и она медленно поднялась. Она на что-то решилась. Подгрести со всех сторон денежные бумажки, обвела взглядом комнату. Лицо её прояснилось.

«Пусть каждый, — сказала она, — возьмёт себе денег столько, сколько ему нужно. Считайте, что это говорит вам Володя. Исполните его просьбу. Он бы не сказал по-другому. Это последнее, о чём он вас просит».

Мать опустилась на лавку, и лицо её как-то сразу померкло. Она снова стала маленьким темным комочком, сжатым со всех сторон пустотой. Мир для неё был сыном. Теперь мир был пуст. Пустота огромна. В пустоте всё маленькое. Всё, кроме памяти. Память боролась с пустотой. Лицо матери снова начало озаряться теплым светом, она что-то вспомнила. Взяла пачку денег со стола и сунула её в руки сидевшей рядом старушки. Та закрестилась. Вскоре все старушки были оделены деньгами. Кто-то из парней сдвинулся с места первым, а может, первого и не было вовсе. Просто все сразу подошли к столу. Каждый брал денег сколько мог меньше. Брали с краю. Видно, боялись сломать памятник. Потихоньку выходили из дому. Никто не прятал взятых денег. Так и расходились, держа деньги в руках. Они держали в руках память. Память нельзя прятать.

□

Николай Петрович ЗАЙЦЕВ

родился 3 декабря 1950 года в г. Талгаре, Казахстан.

Печатался в республиканских журналах «Простор», «Нива», альманахе «Литературная Алма-Ата», московском «Наш современник».

В 1993 г. выпустил поэтический сборник «Талгар», в 2004 г. вышла книга повестей и рассказов «Через Прочее»,

в 2005 г. сборник избранных стихов «Вершины Талгара»,

в 2007 г. стихотворный сборник «Грешен...»,

в 2008 г. книга прозы «Цветы для Мари».

В журнале «Север» публикуется впервые.

